

УДК 811.161.1'28

М.Ю. Бутурлина, Д.А. Писарева, И.Н. Дьячкова
Петрозаводский государственный университет

ЛЕКСЕМА *ПЕЧЬ* И ЕЁ ДЕРИВАТЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

*Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы развития опорного университета
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017–2021 гг.*

В статье рассматривается словообразовательный потенциал существительного *печь* в севернорусских говорах. На основе деривационных значений выделяются основные типы производных лексем, выявленных в диалектных словарях. Анализ словообразовательного гнезда показывает, что слово *печь* в исследуемых говорах характеризуется значительно большим, нежели в литературном языке, количеством дериватов и типов словообразовательных значений. В ряду производных сохраняются некоторые архаичные номинации. Рассматривается отражение в составе изучаемой деривационной парадигмы некоторых культурно-семантических коннотаций, репрезентирующих севернорусскую диалектную картину мира.

Севернорусские говоры, словообразовательное гнездо, *печь*, дериваты, диалектные словари, диалектная картина мира.

Изучение диалектного словообразования, морфемного состава диалектных слов является одним из активно развивающихся и перспективных направлений современной русистики. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена целым рядом причин и факторов, среди которых ведущее место занимает необходимость разноаспектного описания самих говоров и их совокупностей, уточнения границ распространения отдельных диалектных явлений, сравнения словообразовательных особенностей диалектных систем в сопоставлении с другими разновидностями национального русского языка. Соответствующие данные необходимы также для создания словарей говоров и корректирования данных уже имеющихся лексикографических источников.

В настоящее время исследованиями в области диалектного словообразования и морфемики активно занимаются многие известные российские и зарубежные диалектологические центры. Тематика, связанная с изучением деривационных особенностей диалектных лексем, ежегодно включается в обсуждение на заседаниях рабочей группы, занимающейся составлением «Лексического атласа русских народных говоров» (см. публикации Л.З. Бояриновой, Л.А. Климковой, Л.Н. Новиковой и др.). По инициативе и под руководством Института лингвистических исследований РАН и вологодских лингвистов-диалектологов (Л.Г. Яцкевич, Е.Н. Шаброва (Ильина) и др.) с 2007 года на постоянной основе проводится семинар «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология», призванный объединять и координировать работу российских исследователей, изучающих структурные особенности и образование диалектных слов (см. подробнее [3]).

Параллельно с подготовкой обобщающих трудов активно продолжается работа по сбору и анализу новых данных, происходит разностороннее осмысление уже накопленного эмпирического материала, открываются новые ракурсы в его изучении (связь диалектного и исторического словообразования, диалектного словообразования и этимологии, отражение в структуре и образовании диалектных слов национальной картины мира и др.).

Рассматривая проблему моделирования словообразовательных систем отдельных говоров и русской диалектной речи в целом, исследователи отводят особую роль в изучении этого вопроса анализу отдельных словообразовательных гнезд, поскольку без обширного обследования (а в процессе создания ЛАРНГ – и картографирования) соответствующего материала невозможно составить четкое представление о системе говора/группы говоров в целом.

Ученые отмечают, что «типология словообразовательных гнезд имеет богатую историю исследования. В настоящее время она продолжает изучаться как на материале общенародного языка, так и на материале русских народных говоров» [1, с. 139]. В частности, наблюдения над словопорождающими возможностями лексем, функционирующих в диалектах, привели ученых к выводам, что эти возможности находятся в прямой зависимости от целого ряда факторов, например таких, как сфера употребления исходного слова (диалектное/общенародное), его частеречная характеристика, мощность/развернутость гнезда (Там же), субкатегориальная (лексико-семантическая) группа, к которой относится исходное слово [9], экстралингвистические изменения, обусловленные связью имени и реалии.

Таким образом, полноценный и объективный анализ деривационной парадигмы функционирующего в диалекте слова невозможен без учета всех обозначенных параметров: на основе подобных наблюдений можно выявить репертуар типичных и нетипичных аффиксов, словообразовательных значений и их типов у лексем, схожих по формальным и семантическим характеристикам; составить представление об отличии выявленной в говоре/группе говоров парадигме однокоренных слов в сравнении с их составом в системе литературного языка, других диалектных языковых системах.

В настоящей статье нами рассматривается словообразовательное гнездо лексемы *печь* (в ее субстантивном значении) в севернорусских говорах Карелии и граничащих с ней регионов.

Характеристика источников

Источниками для настоящего исследования послужили данные «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И.М. Дурова, «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О. Подвысоцкого, также использовался севернорусский материал, зафиксированный в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаре русских народных говоров». В отдельных случаях также привлекаются материалы исторических словарей, словарей современного русского литературного языка, этнографических и фольклорных источников.

Результаты и обсуждение

Существительное *печь*, по данным этимологических словарей, известно всем славянским языкам и по происхождению само является суффиксальным производным от основы глагола *пек-*, где *kt > ч* перед *ь*. Таким образом, первичное значение данной лексемы реконструируется как ‘место, где пекут, жарят’ [8, с. 256].

В современном русском литературном языке словообразовательное гнездо существительного *печь* отличается слабой развернутостью и включает в себя всего 8 производных (в скобках указываются словообразовательные значения): *печка*, *печечка* (уменьшит.-ласкат.), *печурка* (уменьшит.-ласкат.); *печной* (относящийся к печи); *печник* (лицо, умеющее соорудить/класть печи); *запе[ч]я* (пространство, связанное с печью); *припечек*, *подпечек* (части печи) [7, с. 349].

Иная картина возникает при обращении к словообразовательной парадигме этого субстантива в диахронии. Так, словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает значительный репертуар дериватов анализируемого слова (*печаровь/печеный (столть)* ‘относящийся к печи, в которой пекли хлеб’, *печкурь/печурь*, *печник/пешник*, ‘печник’, *печище* ‘место, где ранее стояла печь, остатки жилища’, а также ‘небольшая северная деревня, чаще заброшенная/угодь, принадлежащее этой деревне’, *печищный* ‘относящийся к печищу – родовому поселению’, *печина* ‘перегорелая печная глина’, *печурка* ‘маленькая временная печка’, *печища* ‘печь’, *пешный/печный* ‘относящийся к печи

и др. (Сл XI–XVII, вып. 15, с. 34–43)), в большей степени неизвестных современному литературному языку. Представленный фон (обратим внимание, что выше были приведены только беспрефиксальные производные) свидетельствует о значительном словообразовательном потенциале субстантива *печь* в прошлом.

Учитывая исторические данные, рассмотрим деривационные возможности субстантива *печь* в северных говорах по материалам изученных источников.

В первую очередь необходимо отметить, что в СРГК, помимо самой лексемы *печь*, функционирующей повсеместно в том же значении, что и в литературном узусе, приводится несколько тождественных ей по семантике производных от того же корня: *печ/а* Бат. р-н, Новг.; Сол. р-н Мурм. *Печу ложат на опечке* (СРГК, вып. 4, с. 496); *печ/ун/а* Тер. р-н, Мурм. *Я-то хоть печину могу затопить, а она – ничего* (Там же, с. 498); *печ/няк* Пуд. р-н, Карел. *На печняке сама спала* (Там же, с. 500); *печ/оп/а* ‘русская печь’ Сол. р-н Мурм. *На печоре ты спала, а там на трубе плечо есте* (Там же, с. 501).

Все представленные выше образования даются в словаре как самостоятельные лексические единицы и отличаются от производящего слова, по всей видимости, только большей степенью экспрессивности, которая в целом характерна для диалектной речи. Рассматривая ареал распространения представленных дериватов, важно отметить точечность их употребления. Судя по зафиксированным данным, только лексема *печа* встречается на нескольких отдаленных друг от друга территориях. Ее же необходимо рассматривать в качестве варианта слова *печь* в исследуемых говорах, поскольку она не совпадает с производящей лексемой лишь в области грамматики. Последнее замечание касается и номинации *пець*, которую с пометой «повсеместно» приводит в словаре поморской речи И.М. Дуров (Дуров, с. 297). Данная единица представляет собой лексико-фонематический вариант принятого в литературном употреблении наименования, отражающий северное «цоканье».

В ряду других производных, отмеченных у слова *печь* в анализируемом материале, нами были выделены следующие словообразовательные типы.

1. Микрогруппа производных с субъективно-оценочным значением.

Несмотря на исключительную продуктивность и разнообразие соответствующих производных в русской диалектной речи, в нашем материале к этой группе относится всего три деривата, которые характеризуются указанными семами. См. *печ/ульк/а* ‘небольшая печка’ *Да в золу закатим, из печульки, песок, золу да* Череп. р-н, Волог.; *а с той стороны печулька стоит* Карг. р-н, Арханг. (СРГК, вып. 4, с. 501); *пець/к/а*, уменьш. от ‘пець’. Повс. (Дуров, с. 297). Если рассматривать словообразовательное гнездо в целом, то через ступень *припечек* ‘место перед устьем русской печи; шесток’ образуется деминутив *припечечек*, отмечаемый в тихвинских говорах *Спички положу на припечечек* (СРГК, вып. 5, с. 190). В функции номинации с увеличительным значением фиксируется лексема *печ/ишч/ё* (*печищё*) ‘большая, огромная печь’ (Дуров, с. 297).

Обращает внимание, что некоторые суффиксы, которые обычно передают в русском языке деминутивное значение, могут не проявлять соответствующей семантики в анализируемых диалектных словах. К такого рода случаям необходимо отнести, например, существительное: *печечка* 'то же, что печка' *Если бы она дров не жалела, а то принесет одну печечку, да и все, а ночью-то холодно* Подп. р-н, Ленингр. (СРГК, вып. 4, с. 498), которое дается в словаре без каких-либо помет (суффикс *-ечк-* здесь, по видимому, как и суффикс *-к-* в составе неодушевленных существительных в литературном употреблении (см. *книжка, тетрадка, печка*), передает только значение женскости.

2. Микрогруппа производных, называющих материал, из которого сделан предмет.

Этот словообразовательный тип представлен в анализируемых источниках лексемами *печ/ин/а* 'печная глина'. *Она угольки ест, а иные известку и печину колушают.* Карг. р-н, Арханг. (Там же, с. 498–499); 'покрывающий печь внутри и снаружи слой глины' Онеж. р-н, Арханг. (Подвысоцкий, с. 121); *печушник* 'печной кирпич, кирпич из печи'. *Печушники, где печки от гумен были.* Бат. р-н, Новг. (СРГК, вып. 4, с. 501); *печ/ень/я* мн. 'куски глины, осыпавшиеся с печи'. *Выпаша печенья, печь-то старая, разваливается, глина дак.* Медв. р-н, Карел. (Там же, с. 498).

Производные, объединенные названным словообразовательным значением, представляют собой, по видимому, архаичный лексический пласт в составе изучаемого словообразовательного гнезда, сохраняющийся в говорах и полностью утраченный литературным языком. Так, словарь XI–XVII вв. указывает на использование номинации *печина* в значении 'перегорелая печная глина' еще в письменных памятниках XVI–XVII вв. (Сл XI–XVII, вып. 15, с. 39). См. и замечание В.И. Даля об этом слове: *Печина, печинка ж. перегорелая печная глина; идет на снадобья, лекарства, в заговоры и пр.* (Даль, т. 3, с. 110), которое дается в словаре без каких-либо территориальных помет.

Следует отметить, что в случае с лексемой *печенья* мы не исключаем возможность двойной мотивации, то есть связи не только с субстантивом, но и с глаголом *печь*. Предполагаемой внутренней формой в таком случае будет 'то, что отгорело в результате жара, печения'.

3. Микрогруппа номинаций со значением части предмета.

Эта группа включает по имеющимся данным наибольшее количество дериватов, в образовании которых используется не только суффиксальный, но и приставочно-суффиксальный способ образования (ср. в литературном языке – *подпечек, припечек*). Характерной чертой выявленных лексем также необходимо признать множественность значений, в которых они употребляются в пределах обозначенной семантики ('часть печи') в севернорусских говорах.

К числу таких производных относятся:

за/печ/ек 'небольшой выступ, сделанный в боковой части печи' Кириш., Белозер., Тихв.; 'небольшой выступ, сделанный в боковой части печи' Лод., Медв. (СРГК, вып. 2, с. 173);

за/печ/к/а 'печурка, небольшое углубление на наружной части печи' Прион. Тер.; 'печурка, небольшое

углубление на наружной части печи' Лод. (СРГК, вып. 2, с. 174);

о/печ/ек (с вариантами *о/печ/к/а, о/печ/к/и*)

1. 'деревянный фундамент, основание русской печи' Кириш., Белоз., Баб., Подп., Карг., Повсем.; 2. 'сторона печи без очага' Пуд., Волх., Тихв., Бокс.; 3. 'сторона печи над очагом (передняя часть печи)' Бокс.; 4. 'углубление в наружной стене печи, куда кладут разные вещи для просушки, печурка' Лод., Медв., Выт., Прион., Тер., Тихв., Шексн. 5. 'дымовое отверстие в стенке печи для самоварной трубы' Тер., Онеж.; 6. 'выступ, окаймляющий верхнюю часть печи' Медв., Онеж., Выт., Тер., Пуд., Карг., Прион.; 7. 'железный лист на полу перед топкой' Карг. (Там же, вып. 4, с. 210–211).

о/печ/ник 'деревянный фундамент, основание русской печи' Баб. (Там же, с. 211);

о/печь/е 'деревянный фундамент, основание русской печи' Чуд., Чер.; 'дымовое отверстие в стенке печи для самоварной трубы' Карг. (Там же);

о/печ/ѣк 'углубление в стенке русской печи для сушки мелких вещей' Белом. (Дуров, с. 270);

печ/ок 'деревянное основание печи' Тихв. (СРГК, вып. 4, с. 501);

печ/урок (с вариантом *печурок*) – 1. 'углубление в стенке русской печи для сушки мелких вещей' Подп., Бокс., Вашк., Выт., Карг., Кем., Кирил., Кириш., Лод., Онеж., Пест., Плес., Тер., Уст.; 2. 'углубление, пространство слева и справа от устья русской печи, куда сгребают угли' Чер., Плес., Онеж.; 3. 'верхняя плоскость печи, где спят' Белом. (Там же) и его дериваты *печ/уроч/ек* 'то же, что *печурок* в 1' Подп., Белом., Тихв., Вашк., Кириш., Онеж., Плес., Пуд., *печ/уроч/к/а* 'то же, что *печурок* в 1, 2' Белоз., Баб., Бат., Кондоп., Медв., Новг., Онеж., Пуд., Тихв. (Там же);

печ/ур/а 'углубление в стенке русской печи для сушки мелких вещей' Онеж., Пуд., Кириш., Белом. (Там же);

печ/ур/ник 'углубление в стенке русской печи для сушки мелких вещей' Подп. (Там же);

под/печ/ник (с вариантом *подпеченьник*) 'пространство под русской печкой (для ухватов, кочерег); подпечек' Вашк., Прион., Карг., Пуд. (Там же, с. 660); 'пространство между печью и полом, настил для фундамента под печью' Белом. (Дуров, с. 312);

под/печ/к/а 'пространство под русской печкой (для ухватов, кочерег); подпечек' Карг., Пуд., Прион., Вашк. (СРГК, вып. 4, с. 660);

под/печь 'пространство под русской печкой (для ухватов, кочерег); подпечек' Подп., Карг. (Там же);

под/печь/е 'пространство под русской печкой (для ухватов, кочерег); подпечек' Онеж., Карг. (Там же, с. 661);

при/печ/ек (с вариантом *припеч/к/а*) 'место перед устьем русской печи; шесток' Севмор., Медв., Подп., Тихв. и его дериват *при/печ/еч/ек* Тихв. (Там же, вып. 5, с. 190).

Приведенные выше толкования отражают степень распространения отдельных дериватов в анализируемых говорах, помимо указания на территорию их фиксации. Так, образования с префиксом *о-* поясняются в словаре через соотношение с лексемой *опечек* ('то же, что *опечек*'), известной в свою очередь прак-

тически на всей территории изучаемого ареала как номинации фундамента (основания) печи: *Под печкой опечек называется. Опечек деревянный у русской печки, на него печь кладется* (СРГК, вып. 4, с. 210–211). Данное употребление в СРГК фиксируется в говорах Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей, Республики Карелия. В частных диалектных системах функционируют к тому же словообразовательные аналоги названной лексемы: *опечник* Баб. р-н, Волог., *опече* Чуд. р-н, Новг. (Там же, с. 211).

Употребительность лексемы *опечек* в приведенном значении, по всей видимости, обусловлена тем, что еще в XVIII–XIX вв. она была распространена в речи повсеместно. Без территориальных помет эта номинация дается в «Словаре академии Российской», словаре В.И. Даля, исторических словарях русского языка.

Архаические пласты лексической системы русского языка актуализируются в изучаемых говорах и при обращении к производным *печура*, *печурок*, *печурник*, которые, кроме всего прочего, позволяют скорректировать наши представления об образовании слова *печурк/а* в значении ‘небольшое углубление в печной стене для спичек, мелких вещей и т. п.’ [5]. Нечленимые, с точки зрения синхронного словообразования, аффиксы *-урк-*, *-урок*, *-урник* в приведенных лексемах, очевидно, восходят к представленному в структуре слова *печура* суффиксу *-ур-*. При этом значение ‘углубление в стенке русской печи’ в семантическом развитии этого слова, по всей видимости, является вторичным, а исходная семантика была близкой (а возможно, тождественной) таким утратившим связь со словом *печь* дериватам, как *печера/печора/печиера* и под. в значении ‘углубление, яма’. См., например, значение слова *печура* в Словаре XI–XVII вв.: «Печура. ж. Углубление, помещение в кирпичной или каменной кладке в стене. ...А в 7 печурахъ живутъ Печатного двора сторожи» (Сл XI–XVII, вып. 15, с. 40). Следующей ступенью деривации стало появление деминутива *печурк/а*, то есть ‘маленькая печура’, который в результате исчезновения мотивирующего слова утратил семантику уменьшительности.

Несколько иной на этом фоне представляется судьба *печурки*, функционирующей в современном литературном языке в значении ‘маленькая, обычно временная печка’ [5], в котором, во всяком случае на синхронном срезе, не отражается сема ‘углубление’. Предполагаем, что эта лексема могла появиться как производное от номинации *печура* в значении самой печи и/или как результат переосмысления деминутива *печурка* (см выше диал. наименование *печора*), о котором шла речь выше.

Важно также отметить, что большое количество лексем, связанных с понятийным полем ‘части печи’, зафиксированных нами в диалектных словарях, указывает на значимость самого предмета в традиционной крестьянской культуре Русского Севера, важности его понятийного поля в мировосприятии диалектоносителей.

4. Микрогруппа номинаций со значением пространства.

Данный словообразовательный тип представлен производными, схожими с литературным *запечье* (‘место за печью, промежуток между печью и сте-

ной’) не только по способу образования, но и используемым аффиксам. В анализируемом материале отмечаются три лексемы подобного типа: *за/печ/ек*, *за/печ/ка*, *за/печ/ник*. См., например: *запечка*, ж. Пространство между печью и стеной. *Запечка тут, чтобы стенка не загорелась*. Прион. *За печкой межуточек есть, это запечка*. Тер. (СРГК, вып. 2, с. 173). Основное отличие их от литературного употребления заключается в возможности дальнейших семантических переносов названия этих лексем на объекты/функциональные зоны, находящиеся в пространстве «запечья». Таковыми могут стать: ‘настил из досок в пространстве между печкой и стеной’ *Запечек на печьке, где спят всегда*. Медв. *Заберешься на запечек и посматриваешь оттуда*. Там же (Там же); ‘маленькая комнатка, кухня’ *Кухня-то, по-нашему, запечек*. *Кухней у нас раньше не звали, всё запечком*. Тихв. *Печку отгородим, вот и запечек*. Медв. *Кухня и всё место около печки называют запечек*. Чуд., Белом., Кондоп., Прион., Тер. (Там же); ‘полочка наверху в нише между печью и стеной’ *Запечька для уборки, горшочки, полоцьки, всё собирается*. Белом. *Вот эту полоцьку так запечька зовем*. Кем. *Вот пёкла лежат да сковородник, это запечка и есть*. Медв., Плес. (Там же, с. 174).

Приведенные номинации, а также лексемы, называющие части печи, подтверждают наблюдение Л.Г. Яцкевич о наибольшей подверженности различным метонимическим модуляциям дериватов с пространственной семантикой, изменение которой в говорах протекает «в границах пространственных значений» и сопровождается их конкретизацией, сужением или расширением [9, с. 11].

5. Микрогруппа номинаций со значением лица.

Одну из разновидностей этих дериватов составляют производные со значением ‘печник, мастер, сооружающий печи’. Это дериваты с прозрачной внутренней формой, образованные, подобно литературному *печник*, суффиксальным способом (см. *печ/к/арь*) либо посредством сложения основ с нулевой суффиксацией (*печ/е/клад*, *печебой* (СРГК, вып. 4, с. 497); *пец/ё/маз* (Дуров, с. 297)). И тот, и другой тип, как известно, исключительно продуктивны в образовании субстантивов со значением лица и в литературном языке, и в русских говорах.

С номинациями лица по профессии связаны и производные, объединенные в данном диалектном словообразовательном гнезде понятием «родственники». Это лексемы *пець/ник/овиць* ‘сын или потомок от отца – печника по профессии’. Повс. (Там же, с. 297), *пець/ник/овн/а* ‘дочь печника по профессии’. Повс. (Там же), *пець/ниц/я* ‘прозвище жены печника’. Повс. (Там же). Пометы, сопровождающие в словаре эти номинации-прозвища, указывают на то, что они активно употреблялись в поморских говорах еще в первой трети XX века.

Рассматривая приведенные факты под этнолингвистическим углом зрения, необходимо обратить внимание на то, что народное сознание в данном случае маркировало в окружающем социуме не только людей, владеющих ремеслом печника, но и «повсеместно» (И.М. Дуров) выделяло по этому признаку их родственников, что подчеркивает особый статус дан-

ной профессии на Русском Севере, показывает, что печники и их род были уважаемыми людьми.

Еще одну относительно независимую группу дериватов – наименований лиц, неизвестных литературному языку, составляют в севернорусских диалектах лексемы, мотивация которых существительным *печь* является опосредованной и связана с поведенческими характеристиками субъектов номинации. Отличительным признаком данных лексем, помимо их отсутствия в литературном языке, являются ярко выраженные оценочность и экспрессивность.

К такого рода производным относятся слова *за/печ/ельник*, *за/печ/енник*, *за/печ/ерин/а* ‘о нелюдимом человеке, домоседе’. *Никуда он не ходит, запечельник*. Подп., Пуд. (СРГК, вып. 2, с. 173); *Да ты, что запечерина, лежишь на печке*. Лод. (Там же, с. 174). Дериваты, обусловленные буквальнотой мотивацией ‘тот, кто находится за печью, прячется за ней’, указывают посредством этого признака на поведенческую особенность человека, предпочитающего проводить время дома, не любящего быть на людях.

Не сводится к буквальному пониманию мотивирующих лексем и номинация *пече/маз*, функционирующая в онежских и беломорских говорах Карелии и обозначающая грязнулю, неряху, внешний вид которого уподобляется замазавшемуся о печь/у печи человеку. Та же номинация может использоваться и для обозначения в поморских говорах темнокровного, смуглого человека (Дуров, с. 297), восприятие внешнего облика которого опирается на сходные ассоциации.

Отметим, что дополняет представленную выше картину лексема *за/печ/ельница/а*, зафиксированная в медвежьегорских говорах и называющая дух, обитающий за печкой: *А за печкой жила запечельница, и говорят: положи пряжу благословясь, а то придет запечельница* (СРГК, вып. 2, с. 173). Данный словообразовательный подтип можно обозначить как ‘тот, кто обитает, живет за печью’.

6. Микрогруппа названий обрядовых действий/процессов.

Такого рода номинация отмечается в нашем материале единожды, ее образование, как и характер обрядового действия, который она называет, достаточно специфичны. См. в СРГК: *Печеранич*, м. В свадебном обряде: празднество, гуляние в доме жениха через неделю после свадьбы. *Печеранич: собирают народу, к жениху идут печки ронять, угощают водкой*. Кондоп. *Пахлебины большие к субботе и воскресенью, через неделю – печеранич*. Там же. (Там же, вып. 4, с. 498). А.В. Гура указывает, что обычай/мотив ломания («роняния») печи в процессе свадебного обряда был известен не только на Русском Севере, но и на территории Полесья, а также у некоторых западных славян: «Обычай ломать печь в конце свадьбы (иногда в виде мотива) известен у русских Заонежья (печь ронять), в житомирском Полесье (в случае «нечестности» невесты), а также в Словакии (Гемер и р-н Тренчина) и в юго-западной Чехии» [2, с. 780], однако сам исследователь в качестве номинации этого обрядового действия называет лексему *печероненье*, способ образования которой более прозрачен, нежели у названия, зафиксированного нами в кондопожских говорах.

7. Микрогруппа относительных прилагательных.

Данная группа включает в себя адъективы, образованные как от самого слова *печь*, так и от его дериватов. Помимо лексемы *печ/н/ой* / *печ/н/ой* на исследуемой территории также фиксируются номинации: *печ/ельн/ый*: > Печельное место. ‘деревянное основание печи’. *Место, которое под печкой, так оно печельное называется*. Медв. *Как печь ставить, так печельное место и делают, и сразу подплицу*. Там же. (СРГК, вып. 4, с. 497); *при/печ/н/ой* 1. ‘относящийся к печке’. *Припечные места знаете как называются?* Медв. 2. ‘испеченный в печке’. *Напекла я внуцатам припечные сканцы*. Пуд., Выг. (Там же, вып. 5, с. 190); *о/печ/еч/н/ый* > Опечечное место. *Опечецно место перво сделают, а потом пецку*. Медв. *А вот здесь опечечное место сделают деревянное, из бревен*. Там же. (Там же, вып. 4, с. 211); *за/печ/ельн/ый* > Запечельная мара. а) ‘то же, что запечельница’. *Как спать не станешь, вот запечельная мара возьмет тя, – скажешь ребёнку*. Медв. б) перен. ‘о ленивом человеке, лежебоке’. *Запечельная мара, день и ночь лежит на печи, назывка*. Медв. *Это как человек на печи всё лежит, вот и называют его, у, мара ты запечельная, ленной, лежит всё*. Там же. (Там же, вып. 2, с. 173–174).

8. Микрогруппа глаголов, номинирующих процесс сооружения печи.

В нашем материале были отмечены две подобных лексемы, зафиксированные на территории Карелии и Новгородской обл.: *печ/ни/ть*, несов. ‘класть печь’. *Сегодня печнил у сестры троюродной, такую печку сложил, хоть куда*. Чуд. (Там же, вып. 4, с. 500); *печ/нич/и/ть*, несов. ‘то же, что печнить’. *Печничил, денег наживал да вина пил*. Медв. (Там же). В литературном языке данная группа отсутствует.

Завершая обзор производных слова *печь* в севернорусских говорах, позволим себе остановить внимание также на некоторых любопытных фактах семантической деривации, связанных с данной лексемой.

Так, результатом метафорического переноса является употребление лексемы *печь* в медвежьегорских говорах Карелии в значении ‘подводная скала’ (Там же, с. 502). См. также в СРГК: *печно*, с. *Груда, кучи камней, вывезенных с поля, луга. А печно – это когда камни с поля на берег сроят, так вот это печно и есть*. Бат. *А я видела его, дак он головой в печне лежал*. Там же. (Там же, с. 500). По нашим данным, указанное развитие семантики слова *печь* и его дериватов фиксируется только на территории севернорусских говоров.

Интересна в этом смысле и судьба лексемы *печице*, которая в XVI–XVII веках приобрела на Русском Севере значение ‘небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи, общины’, а также ‘земельное угодье, принадлежащее этой деревне’ (Сл XI–XVII, вып. 15, с. 40). По данным СРНГ, в значении ‘место, где когда-то было жилье, деревня’ данная номинация известна олонецким, архангельским, вологодским, ярославским, калининским, московским говорам (СРНГ, вып. 27, с. 7); в значении ‘одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением’, ‘общее

владение, принадлежащее нескольким хозяевам, носящим одну фамилию' – пинежским (СРНГ, вып. 27, с. 7). О.С. Смирнова отмечает, что к тому же источнику восходит пинежское слово *пятище* 'участок земли (пахотной или сенокосной), которым владеют несколько хозяев', внутренняя форма которого утратила ясность в результате фонетических изменений. На Русском Севере широкая употребительность лексемы *печище* подтверждается в том числе многочисленными топонимическими данными [4, с. 193–197].

Выводы

Анализ словообразовательного гнезда слова *печь* в севернорусских говорах показал, что его состав отличается существенно большим числом производных и типов словообразовательных значений в сопоставлении с литературным языком, а также сохранением целого ряда архаичных номинаций, зафиксированных в письменных памятниках донационального периода. Отличие, кроме того, проявляется в большем количестве семантических и формальных вариаций в рамках описанных словообразовательных типов.

Культурно-семантический анализ выявленных дериватов указывает на особую значимость печи в севернорусской традиционной культуре. Будучи центром дома, она становится источником для номинации пространства как внутри жилища (*запечек, запечник, запечка*), так и за его пределами – в поле, море, на лугу (семантические дериваты слов *печь, печка, печище*). Подобно слову *дом* в литературном языке, лексема *печище* может служить в северных говорах обозначением семьи в целом (людей, объединенных «родным очагом»), а также места ее проживания, земли, которая ей принадлежит. Привязанность к дому, нелюдимость синонимизируется в сознании диалектоносителей также с привязанностью к печи (*запечельник, запеченник, запечерина*). Неразрывная связь печи и жителей дома подтверждается и обрядовой номинацией *печеранич* (производное от «ронять печь»), характеризующей окончание свадебного действия – переход невесты из одной семьи в другую. Изученные материалы также свидетельствуют об особом статусе профессии печника в сознании диалектоносителей, что получает отражение в апелляциях *печникович, печниковна, печница*, выделяющих в социуме не только самого мастера, но и его род в целом.

M.Yu. Buturlina, D.A. Pisareva, I.N. Dyachkova

THE LEXEME *ПЕЧЬ/STOVE* AND ITS DERIVATIVES IN NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

The article deals with the word-formation potential of the noun *печь/stove* in Northern Russian dialects. Having analyzed the derivational meanings the author distinguishes the main types of the derived lexemes found in the dialect dictionaries. The analysis of the word family shows that the word *печь* has a significantly larger number of derivatives and types of word-formation meanings in the studied dialects than in the literary language. Some archaic nominations are still preserved in a number of derivatives. The article considers the reflection in the derivational paradigm structure of cultural and semantic connotations representing the Northern Russian dialect picture of the world.

Northern Russian dialects, word family, *печь/stove*, derivatives, dialect dictionaries, dialect picture of the world.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2004.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–45. – Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2013.

Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – Москва: Наука, 1975–2008.

Дуров – Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ, 2011. – 453 с.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. / В. И. Даль. – Москва: Цитадель, 1998.

Подвысоцкий – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / гл. ред. и сост. А. О. Подвысоцкий. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 197 с.

Литература

1. Бояринова, Л. З. Диалектное словообразовательное гнездо и его типы (на материале смоленских говоров) / Л. З. Бояринова // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы исследования. – 2019. – № 13. – С. 139–148.

2. Гура, А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика [Текст] : [монография] / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 2012. – 935 с.

3. Диалектное словообразование, морфемика и морфология: Исследования и материалы. – Вологда : ВГПУ, 2008. – 160 с.

4. Приображенский, А. В. Микропонимия Карельского Поморья по данным письменных и полевых источников / А. В. Приображенский // Севернорусские говоры. – 2014. – № 13. – С. 182–198.

5. Словарь русского языка : в 4 томах / АН СССР ; Институт русского языка ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981–1984.

6. Смирнова, О. С. К вопросу о внутренней форме диалектных полевых терминов / О. С. Смирнова // Этимологические исследования : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 8. – С. 207–215.

7. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах / А. Н. Тихонов. – Москва : АСТ : Астрель, 2003. – Т. 2. – 941 с.

8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – Т. 3. – 832 с.

9. Яцкевич, Л. Г. Типологические особенности русского диалектного словообразования / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. – 215 с.